

УДК 316.722

А. А. Мустафин

ГЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ОБЪЯСНЕНИИ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Данная статья представляет собой философское осмысление перспектив развития российской цивилизации на базе геосоциологической парадигмы, с учётом её природно-климатических, социокультурных и экономических особенностей путём сравнительного анализа с парадигмой «евроатлантического либерализма».

Ключевые слова: геосоциологическая парадигма, концепция локальных цивилизаций, национально-культурная идентичность, природно-климатические условия, парадигма «евроатлантического либерализма», западноевропейская форма хозяйствования.

A. A. Mustafin

GEOSOCIOLOGICAL PARADIGM IN EXPLAINING THE DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE RUSSIAN CIVILIZATION

Today's attempts of the socio-economic reform in Russia, and their obvious failures are due primarily to the fact that the basis of course of its modernization was based on false theoretical assumption associated with neoliberalism, outbound from the belief that all countries of the world, including Russia, are subjects to the effects of uniform laws of commonly public development, which define the main direction of the human development. This means that there is a universal way of economic, socio-political and cultural development, opened to a number of European countries and the United States, followed by all the states seeking the prosperity and development. The natural, social and national differences are inconsequential. This installation is clearly ideological and methodological value of "Euro-Atlantic liberalism" which cannot be implemented peacefully, is a frank imposition, using a variety of sanctions, massive political pressure, and is often forced by arms.

As for Russia, the most appropriate solution for its self-determination is an awareness of their national and cultural identity and change of the economic development model, based on reasonable self-restraint from the influence of international market for this important observance, at least four requirements: the establishment of state monopoly of foreign trade, the export of capital, the abolition of the convertibility of the ruble and the implementation of the State banking supervision. Therefore, has economic potential of Russia is relatively stable, it is necessary to adopt appropriate measures for socio-economic development for changing priorities. Of course, we are not talking about the necessity of self-isolation. It's about the need to move away from the blind copying of Western stereotypes, their creative transformation and application of the civilized space.

With regard to the ideological and theoretical framework, which will be the reorganization processes, the most acceptable theoretical methodological Foundation challenge can be considered a locally civilizational approach. It is more appropriate to modern problems of domestic development. Social world today is moving towards multiculturalism, diversifying the economies and cultures. But this civilizational diversity can be understood not on ideological basis of neoliberalism, and based on the theory of local civilizations, the conceptual core of which is the geosociological paradigm.

Keywords: geosociological paradigm, concept of local civilization, national cultural identity, natural climatic conditions, paradigm of "Euro Atlantic liberalism," Western form of management.

В современном цивилизационном развитии человеческого сообщества в предельном случае можно выявить два вектора: евроатлантический и локально-цивилизационный. Очевидно, что стране, определившей для себя вектор развития на путях либерализации

экономики и строительства рынка, для правильной оценки необходим учет исторического опыта европейских стран, прежде всего Англии и Голландии, порождением которых и была идеология либерализма. По мнению профессора Александра Перцева, наиболее взвешенную характеристику идеологии раннего либерализма дал Бертран Рассел, который указывал, что идеалом основоположника либеральной философии Джона Локка (как и его позднейших единомышленников) оказывается изображение «воображаемого сообщества добродетельных анархистов, которым не нужны ни полиция, ни суд, потому, что они всегда подчинены “разуму”, который совпадает с естественным законом» [1, с. 677]. Говоря другими словами, либерализм Джона Локка оказывается просто утопией [2, с. 377–379].

Сегодняшние попытки социально-экономического реформирования России, а также связанные с ними явные провалы и неудачи объясняются, прежде всего, тем, что в основу осуществляемого курса ее модернизации была положена изначально ложная теоретическая посылка, связанная с неолиберализмом и исходящая из убеждения, что судьбы всех стран мира, в том числе России, подчинены действию единых для всех законов общественного развития, позволяющих определять магистральное направление развития человечества. Это значит, что существует общий, универсальный путь экономического, социально-политического и культурного развития, открытый США и рядом европейских стран, по которому должны следовать все государства, стремящиеся к процветанию и развитию. При этом природные, социальные и национальные особенности несущественны. Все человечество, так или иначе, «обречено» развиваться в направлении свободного рынка, демократии, роста свободы и индивидуализма, ограничения роли национальных государств, домини-

рования международного права над национальным правом, защиты прав человека и так далее. За данной методологической установкой явно просматриваются идеологические ценности евроатлантического либерализма. С этой точки зрения все противоположные представления о возможных вариантах развития есть некий артефакт, выходящий за рамки либерально-демократических ценностей, умышленно навязываемый обществу противниками либерализма, демократии и глобализации по западным лекалам.

Обращает на себя внимание факт, что в России сторонников евроатлантизма несколько не смущает их монистическое понимание социального развития, являющееся, по сути, абберрацией основного постулата советской идеологии о единственном верном пути развития всех стран и народов – пути к коммунизму. Успехи в социально-экономическом развитии таких стран, как Япония или Южная Корея, трактуются идеологами неолиберализма как «незначительные отклонения», обусловленные спецификой этих обществ, которые со временем будут преодолены. Между тем, успешными после Второй мировой войны они стали во многом благодаря тому, что особенностью их развития стали не идеалы евроатлантического либерализма, а национальные традиции, глубоко укорененные в сознании народов этих стран и связанные с ними представления об особенностях японского или корейского «национального духа». Известный исследователь культуры Японии профессор Сергей Чугров, проводя некоторые параллели между культурными традициями России и Японии, отмечает: «Как Россия, так и Япония на протяжении своей истории прилагали целенаправленные усилия, чтобы освоить западные системы ценностей. Для России эта задача была значительно проще, поскольку сама Россия входит в западный ареал. Япония оказалась более успешной в решении этой задачи. В на-

циональном сознании прочно закрепился лозунг “японский дух – ученость европейская”, который был призван обеспечить сочетание восточных моральных принципов с западным утилитаризмом» [3, с. 48–54].

Все это может служить иллюстрацией того, что особенности развития стран не есть «досадное отклонение», которое необходимо преодолеть во имя навязываемых утопических идеалов, а то, что человеческий мир по своей сути многообразен. Различным культурно-историческим типам, запечатленным в определенных национальных традициях, обычаях и нравах, в религиозных верованиях, фольклоре и литературе, соответствуют различные типы социокультурного и хозяйственного развития. Все цивилизации разнятся своими системами ценностей, отношением к природе, труду, своим пониманием обязанностей перед семьей, коллективом, обществом. Именно недооценка социокультурного разнообразия цивилизаций как особых миров со своей цивилизационной идентичностью может служить основной причиной неудач реформирования многих человеческих сообществ по западному образцу. В результате становится очевидным то, что реализация социального проекта в контексте евроатлантического либерализма возможна только при одном условии. Новые идеалы должны получить свое глубокое духовное обоснование, войти в плоть и кровь народа, а не базироваться на одном лишь интересе к высокому материальному уровню жизни в западных странах. Исходя из этого, социальное ориентирование народов в духе идеалов неолиберализма, западной демократии объективно невозможно в обозримые исторические сроки. Необходима смена многих поколений людей, чтобы новая идеология была воспринята ими, а старые традиции стали достоянием истории. Поэтому там, где «революционный» курс на вестернизацию не удается внедрить мирным путем, его на-

вязывают извне при помощи разнообразных санкций, массированного политического давления, а нередко и силой оружия.

Что касается России, то ускоренное внедрение либеральных идей и ее движение в сторону евроцентризма, то есть в сторону сочетания рынка с полной внешней открытостью миру, иначе как заведомо ложным определить нельзя. Наиболее приемлемое решение для самоопределения России – это позиционирование себя в рамках концепции локальных цивилизаций. Другими словами – осознание своей национально-культурной идентичности и принятие модели экономического развития, ориентированной, прежде всего, на внутренний рынок.

Хорошо известно, что функционирование и развитие любого общества детерминировано различными факторами экономического, социокультурного, исторического характера, и Россия здесь не исключение. Одним из определяющих факторов в объяснении специфики характера и направленности развития современной российской цивилизации является природно-климатический. Особенности географического положения и тесно связанные с ними особенности исторического пути России наложили свой отпечаток на формирование сознания русского народа и на весь ее многонациональный состав. Склонность к аскетизму и этике самоограничения, соборность, коллективизм, служение отечеству – все эти качества, свойственные русскому народу, были ему просто необходимы в суровых природно-климатических условиях и были сформированы под их воздействием. Огромнейшая территория при отсутствии естественных природных границ, геокультурный размах, богатые залежи полезных ископаемых, постоянная борьба за выживание в сложных природно-климатических условиях, военные столкновения выступали детерминантами в историческом развитии России и в формировании только ей характерных особенностей.

Географические условия, как отмечалось, являются важнейшими в определении типа и форм хозяйственной деятельности, которые формируются у того или иного народа. Западноевропейская форма хозяйствования сформировалась в западноевропейской климатической зоне, которая значительно благоприятней восточноевропейской зоны. Отсюда вытекает, что в более суровых климатических условиях России западноевропейская модель хозяйствования просто неприемлема. Таким образом, идеология евроатлантического либерализма и связанная с ней модель экономического развития, так активно навязываемая России, *de facto* ведет к развалу ее экономики.

Следует обратить внимание и на другую объективную закономерность, отрицающую правомерность экстраполяции европейских форм и методов хозяйствования на Россию. Эта закономерность заключается в том, что в силу разности все тех же природно-климатических условий на протяжении многих сотен лет количество затраченного труда в Европе и России удовлетворяло не одно и то же количество жизненно важных потребностей человека. В России совокупное количество элементарных потребностей в одежде, тепле, калорийном питании и т. д. было всегда выше, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Отсюда и объем прибавочного продукта общества меньше, и условия для его создания сложнее, чем в «благополучной» Европе. Данная закономерность – очередное подтверждение невозможности развития экономики России в соответствии с классически западными рыночными канонами.

Интересно в этой связи мнение академика Леонида Милова. Он считает, что фундаментальное отличие России от Европы кроется именно в условиях разности природно-климатических сред. Известно, что в историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был крайне низок. Первую

причину стабильно низкой урожайности ученый видит в «худородности» почв. Однако низкое их плодородие объясняет далеко не все, и основная причина, по его мнению, кроется в специфике природно-климатических условий исторического центра России. Ученый утверждает, что, «при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ был необычайно коротким, занимая всего 125–130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины октября). В течение, по крайней мере, четырех столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на обработку у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота. Находясь в столь жестком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями труда, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почв и капризов погоды. Крестьянину на западе Европы ни в Средневековье, ни в Новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ там был гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь – январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда. Отсюда и резкие различия между западом и востоком Европы в типе собственности, в типе государственности и характере капитализма. Думается, что и ныне на исходе XX века необходимо учитывать роль географического фактора и его многообразных влияний на жизнь общества» [4, с. 76–87].

На исходе XIX века аналогичные мысли высказывал русский ученый В. П. Воронцов, полагая важнейшим из факторов развития российской экономики – географический: огромную протяженность российских территорий на север и восток, вследствие чего «сокращается лето – время, удобное для сельскохозяйственных работ, и удлиняется зима –

мертвый земледельческий сезон» [5, с. 7–8]. Историк С. М. Соловьев, сравнивая географическое положение Восточной и Западной Европы справедливо утверждал, что «природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха» [6, с. 392–393]. Свое неблагоприятное местоположение Россия постоянно ощущала, находясь на стыке нескольких цивилизаций и испытывая с разных сторон разнообразное по характеру воздействие извне. В. О. Ключевский, оценивая территориальные расширения Московского государства в XVI веке, указывал на то, что увеличение территорий поставило его в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси – шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение, похожее на вооруженный лагерь.

Западная Европа всегда находилась, по сравнению с Россией, в куда лучшем положении. Сама природа создала для западной цивилизации своеобразную крепость, где с юга ее ограждали Альпы и Пиренеи, с севера – Северное море, на западе – Атлантика, а на востоке – Карпаты. Плюс мощные реки, леса и болота делали ее практически неуязвимой, а незначительные набеги мадьяр, норманнов или арабов, которые либо промышленляли грабежами, либо просто были не в состоянии вести войны с целью порабощения, по существу, не представляли смертельной угрозы для существования западноевропейской цивилизации.

Сравнивая социально-экономические процессы России и Европы в динамике их исторического развития, сквозь призму природно-климатических условий хозяйствования, напрашивается очевидный вывод. Усиленно навязываемый доморощенными и западными радикал-либералами затяжной и (пока что) безуспешный характер социально-экономических реформ в России в значительной степени объясняется объективными

причинами, лежащими на пути ее вестернизации. Одной из таких причин являются неблагоприятные природно-климатические условия, определяющие состояние и развитие промышленности, энергетики, сельского хозяйства, социально-бытовой сферы современной России и обуславливающие значительные издержки производства и минимизирующие прибавочный продукт.

Подводя итог сказанному, необходимо дать ответ, как минимум, на два вопроса. Каковы результаты интеграции российской экономики в мировую хозяйственную систему? Каковы перспективы формирования будущей экономической модели России? Отвечая на первый вопрос, во-первых, нужно сказать, что большая часть отечественного производства характеризуется чрезвычайно высоким уровнем издержек, и они выше, чем в любой другой промышленной зоне мира. Простой анализ затрат на производство по статьям расходов показывает, что по каждой из них Россия проигрывает почти любой стране мира, а компенсировать эти расходы нечем. В основе затратности российского производства лежат, в первую очередь, сложнейшие климатические условия, требующие значительного расхода энергоносителей. Энергия стоит денег, поэтому отечественная продукция при прочих равных условиях получается дороже. Из этого, как минимум, следует, что ее себестоимость по потребительским характеристикам оказывается, как правило, выше иностранных продуктов, реализуя который по мировым ценам Россия оказывается в убытке, а не в прибыли. Во-вторых, промышленные зоны России выглядят непривлекательными для капиталовложений со стороны зарубежных инвесторов в силу свойственных им неблагоприятных климатических условий.

Что касается перспектив развития отечественной экономики, то в условиях современной России смена экономической парадигмы предполагает два варианта развития. Первый

и ныне осуществляемый вариант развития возможен только в том смысле, что он уже навязан обществу. Именно навязан, поскольку не вытекает из естественно необходимых факторов и условий развития. Российская экономика, как отмечалось, не может быть привлекательной для иностранных инвестиций. Кроме этого, неконкурентоспособность и высокая затратность отечественной экономики делает в настоящее время невозможным как ее интегрирование в мировое экономическое хозяйство, так и решение посредством этого ее внутренних социально-экономических проблем. Если не произойдет смена приоритетов в нынешнем курсе реформирования российской экономики, то это будет курс на ее неминуемый развал. Можно согласиться с утверждением профессора Владимира Клименко, что прием России в «Большую восьмерку» – это ход западных держав, которые надеются таким образом приобрести послушного и политически зависимого поставщика сырьевых и людских ресурсов [7, с. 37].

Второй вариант предполагает экономическую модель развития с ориентацией на разумное самоограничение от влияния международного рынка. Для этого важно соблюдение, как минимум, четырех требований: установления государственной монополии внешней торговли, прекращения вывоза капитала, отмены конвертируемости рубля и осуществления государственного контроля над банковской деятельностью. Ведь известно: для того, чтобы развалить национальную экономику любой страны, жившей почти столетие изолированно от внешнего мира, необходимо поступить с точностью наоборот, то есть либерализовать внешнюю торговлю, денационализировать (приватизировать) банковскую систему, конвертировать рубль, – что и было осуществлено в России в 90-е годы. Следовательно, пока еще хозяйственный потенциал России относительно

стабилен, необходимо принятие соответствующих мер в социально-экономическом развитии страны, связанных со сменой приоритетов.

Как отмечал профессор Александр Малыгин, «они проверены временем. Какие-либо другие меры или малоэффективны, например, ужесточение таможенных барьеров; или вообще нереальны, например, обращение к странам-акцепторам российских капиталов с просьбой о компенсации потерь. Если же мы хотим в условиях рыночной экономики достичь уровня жизни высокоразвитых стран, то необходимо разработать и внедрить технологии, позволяющие извлекать из недостатков нашей природно-климатической зоны преимущества, полностью компенсирующие эти недостатки. Это почти фантастическая задача. Но только после ее решения возможна либерализация экономических отношений с внешним миром. Все другие попытки достичь процветания в обход принципиальных ограничений, накладываемых экономической географией, по своей безысходности напоминают попытки изобретателей вечного двигателя обойти закон сохранения энергии» [8, с. 3].

Что касается идейно-теоретической базы, в рамках которой будут осуществляться эти реорганизационные процессы, то наиболее приемлемым теоретико-методологическим фундаментом решения проблемы можно считать локально-цивилизационный подход. Он оказывается более адекватным современным проблемам отечественного развития. Социальный мир сегодня развивается в направлении мультикультуризма, диверсификации экономик, культур. А это цивилизационное разнообразие может быть понято не на идейной базе неолиберализма, а на основе теории локальных цивилизаций, концептуальным ядром которой как раз и является геосоциологическая парадигма. Сказанное, разумеется, не означает, что России необходимо отгоро-

даться от остального мира в некоторой замкнутой «комнате счастья». Подобный опыт автаркии уже был («железный занавес»), и закончился он для российской экономики очередным существенным экономическим и технологическим отставанием от развитых стран мира. Речь не идет о необходимости самоизоляции. Речь идет о необходимости отказа от слепого копирования западных стереотипов хозяйствования, их творческого преобразования и применения на российском цивилизационном пространстве в измененном виде.

Из вышесказанного следует, что парадигма евроатлантического либерализма, то есть глобализация по западным лекалам, проигрывает в методологическом отношении геосоциологической парадигме в объяснении перспектив развития российской цивилизации и сохранения российской национально-культурной идентичности. Да не только российской: в той или иной степени все народы планеты стремятся к сохранению национально-культурной идентичности, к прогрессу и самоопределению собственных цивилизаций.

Литература

1. Рассел Б. История западной философии. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 992 с.
2. Перцев А. В. Почему Европа не Россия. – М.: Академ. проект, 2005. – 383 с.
3. Чугров С. В. Россия и Япония: о некоторых параллелях в политической культуре // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 11.
4. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1.
5. Воронцов В. П. Интеллигенция и культура. – М.: Астрель, 2008. – 752 с.
6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – М., 1965. – Кн. 7.
7. Клименко В. В. Россия: тупик в конце туннеля // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1.
8. Малыгин А. Г. Климат против рынка // Природа и человек. – 1995. – № 12.
9. Мустафин А. А. Отечественная геосоциология и географический детерминизм: сравнительный анализ // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств: журн. теорет. и приклад. исслед. – 2012. – № 21. – С. 10–15.

Literatura

1. Rassel B. Istorija zapadnoj filosofii. – Rostov n/D.: Feniks, 2002. – 992 s.
2. Percev A. V. Pochemu Evropa ne Rossija. – M.: Akadem. proekt, – 2005. – 383 s.
3. Chugrov S. V. Rossija i Japonija: o nekotoryh paralleljah v politicheskoj kul'ture // Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnyje otnoshenija. – 2002. – № 11.
4. Milov L. V. Prirodno-klimaticheskij faktor i mentalitet russkogo krest'janstva // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1995. – №. 1.
5. Voroncov V. P. Intelligencija i kul'tura . – M.: Astrel', 2008. – 752 s.
6. Solov'jov S. M. Istorija Rossii s drevnejshih vremen. – M., 1965. – Kn. 7.
7. Klimenko V. V. Rossija: tupik v konce tunnelja // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1995. – № 1.
8. Malygin A. G. Klimat protiv rynka // Priroda i chelovek. – 1995. – № 12.
9. Mustafin A. A. Otechestvennaja geosociologija i geograficheskij determinizm: sravnitel'nyj analiz // Vestn. Kemerov. gos. un-ta kul'tury i iskusstv: zhurn.teoret. i priklad. issled. – 2012. – № 21. – S. 10–15.